

Класс: 6

Предмет: ОСЧ

Дата: 14.05.2024г.

Тема: Этапы работы с текстом. Критическое понимание текста. Понимание душевного состояния героя. По произведению Л. Н. Андреева «Ангелочек».

Ход урока:

Здравствуй, запишите число, «классная работа», тему урока.

Мозговой штурм.

В течение 2 минут напишите по теме “АНГЕЛЮЧЕК” все, что знаете.

Пишите не останавливаясь, не обращая внимания на ошибки и знаки препинания.

Например:

Свободное письмо.

Ангелочек.

Ангелочек – это маленький ангел. У каждого человека есть свой ангел-хранитель, который оберегает его от несчастий, бед. У каждого имени есть свой день ангела или день именин по-другому.

Беседа (устно):

- Кого обычно называют ангелочком?
- Встречались ли вы когда-нибудь с ним?
- Какими вы представляете ангелов?

Теперь запишем определение в тетрадь:

АНГЕЛЫ – (вестники) – «неземные существа, вершина творения, бестелесные небесные духи, хранители души человека».

Вы многое знаете о Рождестве. Но хочу отметить, что в дореволюционной России, т.е. до 1917 года XX века, в богатых семьях, исповедующих христианство, было принято приглашать на рождественскую ёлку детей своих бедных родственников или соседей.

Сегодня на уроке мы познакомимся с рассказом Леонида Николаевича Андреева “Ангелочек”. Но прежде чем перейти к рассказу, познакомимся с биографией автора.

Перейдите по ссылке: <https://youtu.be/LFGuttg8cAQ> (5:10 мин). Если ссылка не открывается, можете в Интернете самостоятельно найти информацию, вбив название темы в поисковую строку «Леонид Андреев: жизнь и творчество. Видео».

Физкультминутка – гимнастика для глаз.

Отвлечитесь от занятия, встаньте из-за стола, выполните следующие упражнения:

Физминутка

Упражнение для глаз.

Можете продолжить работу по теме урока.

Итак перейдем к теме нашего урока.

Как вы думаете, о чём или о ком пойдет речь в рассказе с таким названием?

“Дерево предсказаний”

Записать 2-3 версии, о чём пойдет речь в рассказе.

Перед вами рассказ (в конце конспекта), читаем его по частям, делая остановки.

“Чтение с остановками”

Чтение 1 части.

Остановка 1. До слов: “Приходилось идти домой”

Вопросы после чтения:

1. Оправдались ли наши версии?
2. Кто главный герой данного отрывка?
3. Какие чувства у вас вызвал главный герой ? Почему?
4. Какие качества присущи мальчику Сашке?
5. Почему так сложились отношения Сашки с родителями?
6. Встречались ли вы в своей жизни с такими, как Сашка?
7. А почему Сашка не лгал только отцу?

“Дерево предсказаний”

1. Как вы думаете, что случится дальше?
2. Можно ли Сашку назвать ангелочком?
3. Найдите слова, которыми называли окружающие Сашку?

Чтение 2 части.

От слов: “– Где полуночицаешь, щенок?...” до слов: “И при каждом слове Феокиста Петровна ударяла кулаком по столу, на котором вымытые стаканы прыгали и звякали друг о друга.”

Остановка 2.

Беседа после чтения:

1. Что нового вы узнали о Сашке из этого отрывка?
Кто такие статисты? (Работа с толковым словарем. Знакомство с лексическим значением слова “статист”, найти и записать)
2. Изменилось ли ваше отношение к Сашке после того, как вы узнали историю его родителей?
3. Что же, на ваш взгляд, произойдет дальше?
4. Сашка пойдет на ёлку, как вы думаете?

Чтение части 3 .

От слов “– А я тебе говорю, что не пойду, – хладнокровно отвечал Сашка” до “...Завтра он сломает ножичек, и тогда у него уже ничего не останется”.

Остановка 3.

Вопросы:

1. Что нового мы узнали о Сашке?
2. Его характер как-то изменился?
3. Как вы относитесь к герою?
4. Какие чувства он вызывает у вас и почему?
5. Изменилось ваше отношение к герою?
6. Почему его называли в гимназии волчонком?
7. Что нового вы узнали о его родителях?

Работа с “Цветограммой”

Ребята, нарисуйте сердце, разделите его пополам, работаем с одной половинкой.

Используя приём “Цветограмма”, выберите из неё те краски, которые характеризуют состояние героя в настоящее время (ДО встречи...).

Какие цвета преобладают в сердце мальчика?

- 1) Фиолетовый: обман, ложь;
- 2) Красный: агрессия, злость;
- 3) Коричневый: потеря веры;
- 4) Белый: чистота, искренность (отношения с отцом);
- 5) Синий: тревожность.
- 6) Чёрный: мрак.

Чтение 4 части

От слов: “Но вдруг узенькие глаза Сашки блеснули изумлением, и лицо мгновенно приняло обычное выражение дерзости и самоуверенности” до **слов:** “– Ну, на уж, на, – с неудовольствием сказала она. – Какой настойчивый!”

Остановка 4.

Беседа:

Как повлияла встреча с восковым ангелочком на Сашку? Меняется ли его характер? Какие чувства переполняют Сашку? Так почему же мы сердце Сашки разделили на 2 половинки.

Верно, потому что Сашка “до встречи с ангелочком” один, а “после встречи с ангелочком” становится совсем другим.

Какие новые краски появятся во второй половинке сердца Сашки?

(оранжевый – праздничность, фейерверк; желтый – радость)

Кем стал ангелочек для Сашки?

В конце концов, Сашка, изменившись до неузнаваемости, стал умолять хозяйку отдать ему воскового ангелочка.

1. Для чего он ему?
2. Как он себя может повести?
3. Сможет ли он ради игрушки встать на колени?
4. Что будет дальше?

Чтение от слов “Обе руки Сашки, которыми он взял ангелочка, казались цепкими и напряженными...” до **конца.**

Остановка 5.

1. Стал ли Сашка ангелочком?

Выводы :

2. О чём мы говорили весь урок?
3. Что повлияло на превращение волчонка в ангелочка Все люди по своей сути добрые, просто нужно разбудить в них эту доброту.
4. О чем заставил вас сегодня задуматься рассказ “Ангелочек»?

Известный поэт А.Блок под впечатлением рассказа написал стихотворение “Сусальный ангел”.

Сусальный – покрытый тонким слоем золота, серебра или другого металла.

Послушайте это стихотворение и выдвиньте свою версию окончания рассказа.

А.Блок “Сусальный ангел”

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что? в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

К СЛЕДУЮЩЕМУ УРОКУ ВЫПОЛНИТЬ:

1. Ребята, составьте синквейн на тему “Ангелочек”.
2. Ответьте на вопрос “Что произойдет, когда Сашка проснется?”

Леонид Андреев

Ангелочек

I

Временами Сашке хотелось перестать делать то, что называется жизнью: не умываться по утрам холодной водой, в которой плавают тоненькие пластинки льда, не ходить в гимназию, не слушать там, как все его ругают, и не испытывать боли в пояснице и во всем теле, когда мать ставит его на целый вечер на колени. Но так как ему было тринадцать лет и он не знал всех способов, какими люди перестают жить, когда захотят этого, то он продолжал ходить в гимназию и стоять на коленках, и ему казалось, что жизнь никогда не кончится. Пройдет год, и еще год, и еще год, а он будет ходить в гимназию и стоять дома на коленках. И так как Сашка обладал непокорной и смелой душой, то он не мог спокойно отнестись ко злу и мстил жизни. Для этой цели он бил товарищей, грубил начальству, рвал учебники и целый день лгал то учителям, то матери, не лгал он только одному отцу. Когда в драке ему расшибали нос, он нарочно расковыривал его еще больше и орал без слез, но так громко, что все испытывали неприятное ощущение, морщились и затыкали уши. Проорав сколько нужно, он сразу умолкал, показывал язык и рисовал в черновой тетрадке карикатуру на себя, как орет, на надзирателя, заткнувшего уши, и на дрожащего от страха победителя. Вся тетрадка заполнена была карикатурами, и чаще всех повторялась такая: толстая и низенькая женщина была скалкой тонкого, как спичка, мальчика. Внизу крупными и неровными буквами чернела подпись: «Проси прощенья, щенок», — и ответ: «Не попрошу, хоть тресни». Перед Рождеством Сашку выгнали из гимназии, и, когда мать стала бить его, он укусил ее за палец. Это дало ему свободу, и он бросил умываться по утрам, бегал целый день с ребятами, и бил их, и боялся одного голода, так как мать перестала совсем кормить его, и только отец прятал для него хлеб и картошку. При этих условиях Сашка находил существование возможным. В пятницу, накануне Рождества, Сашка играл с ребятами, пока они не разошлись по домам и не проскрипела ржавым, морозным скрипом калитка за последним из них. Уже темнело, и с поля, куда выходил одним концом глухой переулок, надвигалась серая снежная мгла; в низеньком черном строении, стоявшем поперек улицы, на выезде, зажегся красноватый, немигающий огонек. Мороз усилился, и, когда Сашка проходил в светлом круге, который образовался от зажженного фонаря, он видел медленно реявшие в воздухе маленькие сухие снежинки. Приходилось идти домой. — Где полуночицаешь, щенок? — крикнула на него мать, замахнулась кулаком, но не ударила. Рукава у нее были засучены, обнажая белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота. Когда Сашка проходил мимо нее, он почувствовал знакомый запах водки. Мать почесала в голове толстым указательным пальцем с коротким и грязным ногтем и, так как браниться было некогда, только плюнула и крикнула: — Статистики, одно слово! Сашка презрительно шморгнул носом и прошел за перегородку, где слышалось тяжелое дыханье отца, Ивана Саввича. Ему всегда было холодно, и он старался согреться, сидя на раскаленной лежанке и подкладывая под себя руки ладонями книзу. — Сашка! А тебя Свечниковы на елку звали. Горничная приходила, — прошептал он. — Врешь? — спросил с недоверием Сашка. — Ей-Богу. Эта ведьма нарочно ничего не говорит, а уж и куртку приготовила. — Врешь? — все больше удивлялся Сашка. Богачи Свечниковы, определившие его в гимназию, не велели после его исключения показываться к ним. Отец еще раз побожился, и Сашка задумался. — Ну-ка подвинься, расселся! — сказал он отцу, прыгая на коротенькую

лежанку, и добавил: — А к этим чертям я не пойду. Жирны больно станут, если еще я к ним пойду. «Испорченный мальчик», — протянул Сашка в нос — Сами хороши, антипы толсторожие.— Ах, Сашка, Сашка! — поежился от холода отец. — Не сносить тебе головы.— А ты-то сносишь? — грубо возразил Сашка. — Молчал бы уж: бабы боится. Эх, тюря! Отец сидел молча и ежился. Слабый свет проникал через широкую щель вверху, где перегородка на четверть не доходила до потолка, и светлым пятном ложился на его высокий лоб, под которым чернели глубокие глазные впадины. Когда-то Иван Саввич сильно пил водку, и тогда жена боялась и ненавидела его. Но, когда он начал харкать кровью и не мог больше пить, стала пить она, постепенно привыкая к водке. И тогда она выместила все, что ей пришлось выстрадать от высокого узкогрудого человека, который говорил непонятные слова, выгонялся за строптивость и пьянство со службы и наводил к себе таких же длинноволосых безобразников и гордецов, как и он сам. В противоположность мужу она здоровела по мере того, как пила, и кулаки ее все тяжелели. Теперь она говорила, что хотела, теперь она водила к себе мужчин и женщин, каких хотела, и громко пела с ними веселые песни. А он лежал за перегородкой, молчаливый, съезжившийся от постоянного озноба, и думал о несправедливости и ужасе человеческой жизни. И всем, с кем ни приходилось говорить жене Ивана Саввича, она жаловалась, что нет у нее на свете таких врагов, как муж и сын: оба гордецы и статистики. Через час мать говорила Сашке:— А я тебе говорю, что ты пойдешь! — И при каждом слове Феоктиста Петровна ударяла кулаком по столу, на котором вымытые стаканы прыгали и звякали друг о друга.— А я тебе говорю, что не пойду, — хладнокровно отвечал Сашка, и углы губ его подергивались от желания оскалить зубы. В гимназии за эту привычку его звали волчонком.— Изобью я тебя, ох, как изобью! — кричала мать.— Что же, избеи! Феоктиста Петровна знала, что бить сына, который стал кусаться, она уже не может, а если выгнать на улицу, то он отправится шататься и скорей замерзнет, чем пойдет к Свечниковым; поэтому она прибегла к авторитету мужа.— А еще отец называется: не может мать от оскорблений оберечь.— Правда, Сашка, ступай, что ломаешься? — отозвался тот с лежанки. — Они, может быть, опять тебя устроят. Они люди добрые. Сашка оскорбительно усмехнулся. Отец давно, до Сашкина еще рождения, был учителем у Свечниковых и с тех пор думал, что они самые хорошие люди. Тогда он еще служил в земской статистике и ничего не пил. Разошелся он с ними после того, как женился на забеременевшей от него дочери квартирной хозяйки, стал пить и опустился до такой степени, что его, пьяного, поднимали на улице и отвозили в участок. Но Свечниковы продолжали помогать ему деньгами, и Феоктиста Петровна, хотя ненавидела их, как книги и все, что связывалось с прошлым ее мужа, дорожила знакомством и хвалилась им.— Может быть, и мне что-нибудь с елки принесешь, — продолжал отец. Он хитрил, — Сашка понимал это и презирал отца за слабость и ложь, но ему действительно захотелось что-нибудь принести больному и жалкому человеку. Он давно уже сидит без хорошего табаку.— Ну, ладно! — буркнул он. — Давай, что ли, куртку. Пуговицы пришила? А то ведь я тебя знаю!

II

Детей еще не пускали в залу, где находилась елка, и они сидели в детской и болтали. Сашка с презрительным высокомерием прислушивался к их наивным речам и ощупывал в кармане брюк уже переломавшиеся папиросы, которые удалось ему стащить из кабинета хозяина. Тут подошел к нему самый маленький Свечников, Коля, и остановился неподвижно и с видом изумления, составив ноги носками

внутри и положив палец на угол пухлых губ. Месяцев шесть тому назад он бросил, по настоянию родственников, скверную привычку класть палец в рот, но совершенно отказаться от этого жеста еще не мог. У него были белые волосы, подрезанные на лбу и завитками спадавшие на плечи, и голубые удивленные глаза, и по всему своему виду он принадлежал к мальчикам, которых особенно преследовал Сашка.— Ты неблагодалный мальчик? — спросил он Сашку. — Мне мисс сказала. А я холосой.— Уж на что же лучше! — ответил тот, осматривая коротенькие бархатные штанишки и большой откладной воротничок.— Хочешь лузье? На! — протянул мальчик ружье с привязанной к нему пробкой. Волчонок взвел пружину и, прицелившись в нос ничего не подозревавшего Коли, дернул собачку. Пробка ударилась по носу и отскочила, болтаясь на нитке. Голубые глаза Коли раскрылись еще шире, и в них показались слезы. Передвинув палец от губ к покрасневшему носику, Коля часто заморгал длинными ресницами и зашептал:— Злой... Злой мальчик. В детскую вошла молодая, красивая женщина с гладко зачесанными волосами, скрывавшими часть ушей. Это была сестра хозяйки, та самая, с которой занимался когда-то Сашкин отец.— Вот этот, — сказала она, показывая на Сашку сопровождавшему ее лысому господину. — Поклонись же, Саша, нехорошо быть таким невежливым. Но Сашка не поклонился ни ей, ни лысому господину. Красивая дама не подозревала, что он знает многое. Знает, что жалкий отец его любил ее, а она вышла за другого, и, хотя это случилось после того как он женился сам, Сашка не мог простить измены.— Дурная кровь, — вздохнула Софья Дмитриевна. — Вот не можете ли, Платон Михайлович, устроить его? Муж говорит, что ремесленное ему больше подходит, чем гимназия. Саша, хочешь в ремесленное?— Не хочу, — коротко ответил Сашка, слышавший слово «муж».— Что же, братец, в пастухи хочешь? — спросил господин.— Нет, не в пастухи, — обиделся Сашка.— Так куда же? Сашка не знал, куда он хочет.— Мне все равно, — ответил он, подумав, — хоть и в пастухи. Лысый господин с недоумением рассматривал странного мальчика. Когда с заплатанных сапог он перевел глаза на лицо Сашки, последний высунул язык и опять спрятал его так быстро, что Софья Дмитриевна ничего не заметила, а пожилой господин пришел в непонятное ей раздражительное состояние.— Я хочу и в ремесленное, — скромно сказал Сашка. Красивая дама обрадовалась и подумала, вздохнув, о той силе, какую имеет над людьми старая любовь.— Но едва ли вакансия найдется, — сухо заметил пожилой господин, избегая смотреть на Сашку и приглаживая поднявшиеся на затылке волосики. — Впрочем, мы еще посмотрим. Дети волновались и шумели, нетерпеливо ожидая елки. Опыт с ружьем, проделанный мальчиком, внушавшим к себе уважение ростом и репутацией испорченного, нашел себе подражателей, и несколько кругленьких носиков уже покраснело. Девочки смеялись, прижимая обе руки к груди и перегибаясь, когда их рыцари, с презрением к страху и боли, но морщась от ожидания, получали удары пробкой. Но вот открылись двери, и чей-то голос сказал:— Дети, идите! Тише, тише! Заранее вытаращив глазенки и затаив дыхание, дети чинно, по паре, входили в ярко освещенную залу и тихо обходили сверкающую елку. Она бросала сильный свет, без теней, на их лица с округлившимися глазами и губками. Минуту царила тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных восклицаний. Одна из девочек не в силах была овладеть охватившим ее восторгом и упорно и молча прыгала на одном месте; маленькая косичка со вплетенной голубой ленточкой хлопала по ее плечам. Сашка был угрюм и печален, — что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном

сердце. Елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной, как и столпившиеся вокруг нее чистенькие, красивые дети, и ему хотелось толкнуть ее так, чтобы она повалилась на эти светлые головки. Казалось, что чьи-то железные руки взяли его сердце и выжимают из него последнюю каплю крови. Забившись за рояль, Сашка сел там в углу, бессознательно доламывал в кармане последние папиросы и думал, что у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти. Он пытался представить себе перочинный ножичек, который он недавно выменял и очень сильно любил, но ножичек стал очень плохой, с тоненьким сточенным лезвием и только с половиной желтой костяшки. Завтра он сломает ножичек, и тогда у него уже ничего не останется. Но вдруг узенькие глаза Сашки блеснули изумлением, и лицо мгновенно приняло обычное выражение дерзости и самоуверенности. На обращенной к нему стороне елки, которая была освещена слабее других и составляла ее изнанку, он увидел то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом было так пусто, точно окружающие люди неживые. То был восковой ангелочек, небрежно повешенный в гуще темных ветвей и словно реявший по воздуху. Его прозрачные стрекозиные крылышки трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь. Розовые ручки с изящно сделанными пальцами протягивались кверху, и за ними тянулась головка с такими же волосами, как у Коли. Но было в ней другое, чего лишено было лицо Коли и все другие лица и вещи. Лицо ангелочка не блистало радостью, не туманилось печалью, но лежала на нем печать иного чувства, не передаваемого словами, не определяемого мыслью и доступного для понимания лишь такому же чувству. Сашка не сознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил, любил больше, чем перочинный ножичек, больше, чем отца, и больше, чем все остальное. Полный недоумения, тревоги, непонятного восторга, Сашка сложил руки у груди и шептал:— Милый... милый ангелочек! И чем внимательнее он смотрел, тем значительнее, важнее становилось выражение ангелочка. Он был бесконечно далек и непохож на все, что его здесь окружало. Другие игрушки как будто гордились тем, что они висят, нарядные, красивые, на этой сверкающей елке, а он был грустен и боялся яркого назойливого света, и нарочно скрылся в темной зелени, чтобы никто не видел его. Было бы безумной жестокостью прикоснуться к его нежным крылышкам.— Милый... милый! — шептал Сашка. Голова Сашкина горела. Он заложил руки за спину и в полной готовности к смертельному бою за ангелочка прохаживался осторожными и крадущимися шагами; он не смотрел на ангелочка, чтобы не привлечь на него внимания других, но чувствовал, что он еще здесь, не улетел. В дверях показалась хозяйка — важная высокая дама с светлым ореолом седых, высоко зачесанных волос. Дети окружили ее с выражением своего восторга, а маленькая девочка, та, что прыгала, утомленно повисла у нее на руке и тяжело моргала сонными глазками. Подошел и Сашка. Горло его перехватывало.— Тетя, а тетя, — сказал он, стараясь говорить ласково, но выходило еще более грубо, чем всегда. — Те... Тетечка. Она не слышала, и Сашка нетерпеливо дернул ее за платье.— Чего тебе? Зачем ты дергаешь меня за платье? — удивилась седая дама. — Это невежливо.— Те... тетечка. Дай мне одну штуку с елки, — ангелочка.— Нельзя, — равнодушно ответила хозяйка. — Елку будем на Новый год разбирать. И ты уже не маленький и можешь звать меня по имени, Марьей Дмитриевной. Сашка чувствовал, что он падает в пропасть, и ухватился за последнее средство.— Я раскаиваюсь. Я буду учиться, — отрывисто

говорил он. Но эта формула, оказывавшая благотворное влияние на учителей, на седую даму не произвела впечатления. — И хорошо сделаешь, мой друг, — ответила она так же равнодушно. Сашка грубо сказал: — Дай ангелочка. — Да нельзя же! — говорила хозяйка. — Как ты этого не понимаешь? Но Сашка не понимал, и, когда дама повернулась к выходу, Сашка последовал за ней, бессмысленно глядя на ее черное, шелестящее платье. В его горячечно работавшем мозгу мелькнуло воспоминание, как один гимназист его класса просил учителя поставить тройку, а когда получил отказ, стал перед учителем на колени, сложил руки ладонь к ладони, как на молитве, и заплакал. Тогда учитель рассердился, но тройку все-таки поставил. Своевременно Сашка увековечил эпизод в карикатуре, но теперь иного средства не оставалось. Сашка дернул тетку за платье и, когда она обернулась, упал со стуком на колени и сложил руки вышеупомянутым способом. Но заплакать не мог. — Да ты с ума сошел! — воскликнула седая дама и оглянулась: по счастью, в кабинете никого не было. — Что с тобой? Стоя на коленях, со сложенными руками, Сашка с ненавистью посмотрел на нее и грубо потребовал: — Дай ангелочка! Глаза Сашкины, впившиеся в седую даму и ловившие на ее губах первое слово, которое они произнесут, были очень нехороши, и хозяйка поспешила ответить: — Ну, дам, дам. Ах, какой ты глупый! Конечно, я дам тебе, что ты просишь, но почему ты не хочешь подождать до Нового года? Да вставай же! И никогда, — поучительно добавила седая дама, — не становись на колени: это унижает человека. На колени можно становиться только перед Богом. «Толкуй там», — думал Сашка, стараясь опередить тетку и наступая ей на платье. Когда она сняла игрушку, Сашка впился в нее глазами, болезненно сморщил нос и растопырил пальцы. Ему казалось, что высокая дама ломает ангелочка. — Красивая вещь, — сказала дама, которой стало жаль изящной и, по-видимому, дорогой игрушки. — Кто это повесил ее сюда? Ну, послушай, зачем эта игрушка тебе? Ведь ты такой большой, что будешь ты с нею делать?.. Вон там книги есть, с рисунками. А это я обещала Коле отдать, он так просил, — солгала она. Терзания Сашки становились невыносимыми. Он судорожно стиснул зубы и, показалось, даже скрипнул ими. Седая дама больше всего боялась сцен и потому медленно протянула к Сашке ангелочка. — Ну, нá уж, нá, — с неудовольствием сказала она. — Какой настойчивый! Обе руки Сашки, которыми он взял ангелочка, казались цепкими и напряженными, как две стальные пружины, но такими мягкими и осторожными, что ангелочек мог вообразить себя летящим по воздуху. — А-ах! — вырвался продолжительный, замирающий вздох из груди Сашки, и на глазах его сверкнули две маленькие слезинки и остановились там, непривычные к свету. Медленно приближая ангелочка к своей груди, он не сводил сияющих глаз с хозяйки и улыбался тихой и кроткой улыбкой, замирая в чувстве неземной радости. Казалось, что когда нежные крылышки ангелочка прикоснутся к впалой груди Сашки, то случится что-то такое радостное, такое светлое, какого никогда еще не происходило на печальной, грешной и страдающей земле. — А-ах! — пронесся тот же замирающий стон, когда крылышки ангелочка коснулись Сашки. И перед сиянием его лица словно потухла сама нелепо разукрашенная, нагло горящая елка, — и радостно улыбнулась седая, важная дама, и дрогнул сухим лицом лысый господин, и замерли в живом молчании дети, которых коснулось веяние человеческого счастья. И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворенным рукой неведомого художника личиком ангелочка. Но в следующую минуту картина резко изменилась. Съежившись, как готовящаяся к прыжку пантера, Сашка мрачным взглядом обводил

окружающих, ища того, кто осмелится отнять у него ангелочка.— Я домой пойду, — глухо сказал Сашка, намечая путь в толпе. — К отцу.

III

Мать спала, обессилив от целого дня работы и выпитой водки. В маленькой комнатке, за перегородкой, горела на столе кухонная лампочка, и слабый желтоватый свет ее с трудом проникал через закопченное стекло, бросая странные тени на лицо Сашки и его отца.— Хорош? — спрашивал шепотом Сашка. Он держал ангелочка в отдалении и не позволял отцу дотрогиваться.— Да, в нем есть что-то особенное, — шептал отец, задумчиво всматриваясь в игрушку. Его лицо выражало то же сосредоточенное внимание и радость, как и лицо Сашки.— Ты погляди, — продолжал отец, — он сейчас полетит.— Видел уже, — торжествующе ответил Сашка. — Думаешь, слепой? А ты на крылышки глянь. Цыц, не трогай! Отец отдернул руку и темными глазами изучал подробности ангелочка, пока Саша наставительно шептал:— Экая, братец, у тебя привычка скверная за все руками хвататься. Ведь сломать можешь! На стене вырезывались уродливые и неподвижные тени двух склонившихся голов: одной большой и лохматой, другой маленькой и круглой. В большой голове происходила странная, мучительная, но в то же время радостная работа. Глаза, не мигая, смотрели на ангелочка, и под этим пристальным взглядом он становился больше и светлее, и крылышки его начинали трепетать бесшумным трепетаньем, а все окружающее — бревенчатая, покрытая копотью стена, грязный стол, Сашка, — все это сливалось в одну ровную серую массу, без теней, без света. И чудилось погибшему человеку, что он услышал жалеющий голос из того чудного мира, где он жил когда-то и откуда был навеки изгнан. Там не знают о грязи и унылой брани, о тоскливой, слепо-жестокоей борьбе эгоизмов; там не знают о муках человека, поднимаемого со смехом на улице, избиваемого грубыми руками сторожей. Там чисто, радостно и светло, и все это чистое нашло приют в душе ее, той, которую он любил больше жизни и потерял, сохранив ненужную жизнь. К запаху воска, шедшему от игрушки, примешивался неуловимый аромат, и чудилось погибшему человеку, как прикасались к ангелочку ее дорогие пальцы, которые он хотел бы целовать по одному и так долго, пока смерть не сомкнет его уста навсегда. Оттого и была так красива эта игрушечка, оттого и было в ней что-то особенное, влекущее к себе, не передаваемое словами. Ангелочек спустился с неба, на котором была его душа, и внес луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в черную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь. И рядом с глазами отжившего человека сверкали глаза начинающего жить и ласкали ангелочка. И для них исчезло настоящее и будущее: и вечно печальный и жалкий отец, и грубая, невыносимая мать, и черный мрак обид, жестокостей, унижений и злобствующей тоски. Бесформенны, туманны были мечты Сашки, но тем глубже волновали они его смятенную душу. Все добро, сияющее над миром, все глубокое горе и надежду тоскующей о Боге души впитал в себя ангелочек, и оттого он горел таким мягким божественным светом, оттого трепетали бесшумным трепетаньем его прозрачные стрекозиные крылышки. Отец и сын не видели друг друга; по-разному тосковали, плакали и радовались их больные сердца, но было что-то в их чувстве, что сливало воедино сердца и уничтожало бездонную пропасть, которая отделяет человека от человека и делает его таким одиноким, несчастным и слабым. Отец несознательным движением положил руку на шею сына, и голова последнего так же невольно прижалась к чахоточной груди.— Это она дала тебе? — прошептал отец, не отводя глаз от ангелочка. В другое время Сашка ответил бы грубым отрицанием,

но теперь в душе его сам собой прозвучал ответ, и уста спокойно произнесли заведомую ложь.— А то кто же? Конечно, она. Отец молчал; замолк и Сашка. Что-то захрипело в соседней комнате, затрещало, на миг стихло, и часы бойко и торопливо отчеканили: час, два, три.— Сашка, ты видишь когда-нибудь сны? — задумчиво спросил отец.— Нет, — сознался Сашка. — А, нет, раз видел: с крыши упал. За голубями лазили, я и сорвался.— А я постоянно вижу. Чудные бывают сны. Видишь все, что было, любишь и страдаешь, как наяву... Он снова замолк, и Сашка почувствовал, как задрожала рука, лежавшая на его шее. Все сильнее дрожала и дергалась она, и чуткое безмолвие ночи внезапно нарушилось всхлипывающим, жалким звуком сдерживаемого плача. Сашка сурово задвигал бровями и осторожно, чтобы не потревожить тяжелую, дрожащую руку, скосил глаза слезинку. Так странно было видеть, как плачет большой и старый человек.— Ах, Саша, Саша! — всхлипывал отец. — Зачем все это?— Ну, что еще? — сурово прошептал Сашка. — Совсем, ну совсем как маленький.— Не буду... не буду, — с жалкой улыбкой извинился отец. — Что уж... зачем? Загорелась на своей постели Феокиста Петровна. Она вздохнула и забормотала громко и странно-настойчиво: «Дерюжку держи... держи, держи, держи». Нужно было ложиться спать, но до этого устроить на ночь ангелочка. На земле оставлять его было невозможно; он был повешен на ниточке, прикрепленной к отдушине печки, и отчетливо рисовался на белом фоне кафелей. Так его могли видеть оба — и Сашка и отец. Поспешно набросав в угол всякого тряпья, на котором он спал, отец так же быстро разделся и лег на спину, чтобы поскорее начать смотреть на ангелочка.— Что же ты не раздеваешься? — спросил отец, зябко кутаясь в прорванное одеяло и поправляя наброшенное на ноги пальто.— Не к чему. Скоро встану. Сашка хотел добавить, что ему совсем не хочется спать, но не успел, так как заснул с такой быстротой, точно пошел ко дну глубокой и быстрой реки. Скоро заснул и отец. Кроткий покой и безмятежность легли на истомленное лицо человека, который отжил, и смелое личико человека, который еще только начинал жить. А ангелочек, повешенный у горячей печки, начал таять. Лампа, оставленная гореть по настоянию Сашки, наполняла комнату запахом керосина и сквозь закопченное стекло бросала печальный свет на картину медленного разрушения. Ангелочек как будто шевелился. По розовым ножкам его скатывались густые капли и падали на лежанку. К запаху керосина присоединился тяжелый запах топленого воска. Вот ангелочек встрепенулся, словно для полета, и упал с мягким стуком на горячие плиты. Любопытный прусак пробежал, обжигаясь, вокруг бесформенного слитка, взобрался на стрекозиное крылышко и, дернув усиками, побежал дальше. В завешенное окно пробивался синеватый свет начинающегося дня, и на дворе уже застучал железным черпаком зазябший водовоз.